

Как они вернулись из того похода, Руслан не помнил. Всю дорогу провалялся в фургоне без сознания. Пуля из штуцера ударила его вскользь чуть выше виска. Контузия, очередной шрам, потеря крови, но рана на самом деле оказалась не так и опасна. Гораздо тяжелее были ее последствия. Особенно в той части, что касалось контузии. Что ни говори, а пуля из нарезного штуцера штука тяжелая, и удар был сравни хорошему удару кувалдой, все так же вскользь. Периодически приходя в себя, Шатун глотал поданную денщиком Мишкой воду и снова впадал в забытье. Как потом выяснилось, из двадцати пяти человек без ранений обошлись только Мишка и один из ветеранов, что был взят в отряд кашеваром. Оба полагались больше на свое умение стрелять, чем на силу в рукопашной схватке, так что держались позади остальных и, как следствие, обошлись без очередных украшений на шкурах. Но была и хорошая новость. Бой тот прошел для отряда без потерь. Ран и порезов хватало у всех, были и трое тяжелых, которых в срочном порядке оперировал врач армянин, живший в ближайшем городке, но все обошлось. Преодолевая тошноту и сильное головокружение, Руслан объяснил Мишке, как пользоваться шприцем, и все поголовно получили по инъекции пенициллина. Это

был главный секрет Руслана и панацея их отряда от всех ранений и болезней. Раны при перевязках присыпали стрептоцидом, так что обошлось даже без нагноений. В общем, как говорится, бог миловал.

Теперь осталось только вернуться в Пятигорск и привести себя в порядок. После той драки их даже не пытались задержать. Эриванская контрразведка в лице ее начальника понимала: отряд на данном этапе как боевая единица не существует. К тому же в бою были растрочены все боеприпасы. Начиная от минометных мин и заканчивая патронами к револьверам. Про мины и гранаты и говорить не приходилось. Экономить нужды не было. Отряд дрался так, словно это был их последний бой. Впрочем, так оно и было. Их задачей было не пропустить турок в глубь своей территории и продержаться до того момента, когда к месту схватки подойдет местное ополчение. И они это сделали. От места боестолкновения у городка под названием Ахалкалаки отряд ушел через два дня. Когда раны немного поджили и появилась уверенность в том, что дорогу перенесут все. Доктора Мишка притащил в лагерь, заставив ехать под угрозой смерти. Размахивая револьвером, паренек разогнал и обывателей, и полицию и, усадив доктора в седло, приволок его в лагерь. Спорить с озверевшим казачком не рискнул никто. Да и желающих не было. Известие о драке обитатели городка получили еще до ее окончания и были уверены, что отряд будет просто уничтожен. Так что появление у дома доктора казака не стало для них большой неожиданностью. Гораздо больше их удивило известие, что хоть кто-то там остался жив.

До города они добирались около двух недель. Миновав заставу, казаки направили фургоны к дому

командира. В очередной раз Руслан пришел в себя уже в своей собственной спальне. Рядом с кроватью, на стуле, клюя носом сидел Васятка. Полюбовавшись несколько минут русоволосой макушкой, Руслан негромко откашлялся, морщась от отдававшейся в голове боли, и мальчишка, тут же вскинувшись, с ходу спросил, вскакивая:

— Чего подать, княже?

— Водички, — хрипло попросил Шатун, с грехом пополам поворачивая голову.

— Вот. Холодная, недавно из колодца, еще не нагрелась, — бормотал малец, поднося к его губам глиняную кружку с водой.

«Это чего, в доме все чашки перебить успели, пока меня не было», — лениво мелькнула у Шатуна мысль, и только припав к посудине, он понял, что все сделано правильно. Широкая глиняная кружка была гораздо удобнее для подобного действия, чем фарфоровая чашка. Да и уронить ее было не страшно. Подобную посудину можно было купить на базаре буквально за копейки. Напившись, Руслан перевел дух и, дождавшись, когда голова перестанет кружиться, тихо спросил:

— Давно я тут?

— Второй день, как привезли, — грустно улыбнулся мальчишка.

— Все вернулись? — помолчав, осторожно уточнил Шатун, мысленно готовясь к самому плохому.

— Все, княже. Старые казаки уж молебен в церкви отстояли. Молитвы благодарственные читали и тебе здравицу пели, что всех вернуть сумел и супостата побил.

— Так это ж здорово, — нашел в себе силы улыбнуться Руслан. — А чего сам такой мрачный?

— Так ранетый ты, — тихо всхлипнул Васятка.

— Не ранетый, а раненый, — на автомате поправил его Шатун. — И не ранен, а контужен. Впрочем, хрен редьки не слаще. Угораздило же, — скривился он, осторожно касаясь пальцами повязки на голове.

— Не тронь, княже, — тут же подскочил мальчишка. — Дохтур баял, тебе теперя лежать долгонько придется. И повязку трогать никак нельзя.

— Да уж. С контузией шутики плохи, — нехотя согласился Шатун, опуская руку. — Рассказывай, какие новости в городе. И не говори мне, что не знаешь. Не поверю. Небось, Петьку гонял, пока меня не было.

— А чего его гонять, — пожал Васятка плечами. — Он и так все одно целыми днями то на паперти, то по базару шляется. Вот и заходит рассказать, чего услышал.

Эти странные взаимоотношения двух мальчишек Руслана давно уже удивляли, но вмешиваться он не спешил. Похоже, ребят все устраивало. Беспризорник Петя, промышлявший милостыней на паперти, ловко вынюхивал всякие странные слухи и пересказывал их Васятке, тот, в свою очередь, приносил ему с кухни остатки обедов и пересказывал все услышанное самому Руслану. К чему и зачем ребята выстроили эту схему, парень так и не понял, но она работала, так что ломать Руслан ничего не стал. Как оказалось, в городе даже после их отъезда все было тихо и спокойно. Эта новость была тем удивительнее, если вспомнить, что буквально рядом с заставой имелся еще один, стихийный базар, куда съезжались даже горцы из непримиримых кланов.

Но дни шли за днями, а на торгу все было тихо и спокойно. Более того, на том базаре даже воров не было. Само собой, и тут торговцы норовили об-

мануть покупателей, но все это воспринималось как само собой разумеющееся. Не хочешь быть осмеянным, не щелкай клювом. Так бывало на всех базарах и ярмарках во всех городах. Понимающе кивнув, Руслан принялся выспрашивать мальчика обо всем случившемся в городе. Понятно, что в чистые кварталы мальчишки старались не соваться, но, как известно, шила в мешке не утаишь, и если там что-то случалось, то буквально через пару часов об этом знали на базаре. К огромному удивлению Шатуна, у чистой публики дела шли гораздо хуже, чем у плебса. Были тут и пьяные дебоши, и интимные скандалы, и даже пошлый мордобой. Случилось также и несколько краж, но со всеми этими делами разбиралась полиция. Эти даже жандармов от дел оттерли. Из чего Руслан сделал вывод, что новое полицейское начальство решило реабилитировать себя перед большими дядями в Краснодаре.

Их неспешную беседу прервал граф Рязанов, бесшумно вошедший в комнату. Увидев, что Руслан пришел в себя и ведет вполне осмысленный разговор, майор истово перекрестился на образа и, растегнув верхние пуговицы кителя, что в обычной обстановке было бы немислимым, с легкой улыбкой приказал:

— Вася, сбегай на кухню. Скажи, чтобы нам сюда чаю подали.

Бросив на Руслана короткий вопросительный взгляд и получив едва заметный кивок в ответ, мальчишка соскочил со стула и мигом исчез за дверью.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался граф, присаживаясь.

— Как заплесневелая корка хлеба. Попробовали прожевать, да выплюнули, — едва заметно усмехнулся Шатун. — У тебя тут как?

— Твоими молитвами, тишь да гладь, да божья благодать. Нет, слово чести, так тихо в городе давно уже не было, — заверил парня майор. — Признаться, самому не верится, что это так, но с фактами не поспоришь. Даже горцы в город не суются. Все свои торговые дела на новом торгу решают.

— Я что-то тебя не пойму. Это хорошо или плохо? — удивленно уточнил Руслан, вопросительно глядя на приятеля.

— Для жизни хорошо. Даже очень. А вот для службы... Даже не знаю, — честно признался майор, задумчиво расправляя усы.

— Кури, Миша. Только окно открой, — понимающе усмехнулся Руслан. — Что там от начальства слышно, после нашей судьбоносной виктории?

— Молчит начальство, — развел майор руками. — Я всех казаков опросил и депешу отправил. Да и о твоём состоянии тоже отписался. Но пока молчок.

— Ладно. В любом случае отряд наш пока существует только на бумаге, — помолчав, вздохнул Шатун. — Боеприпаса нет, весь личный состав нуждается в лечении. Так что, если вдруг что, останется только шашками отмахиваться.

— Да уж, повоевали, — кивнул майор с некоторой растерянностью. — Расскажи мне кто, что двадцатка смогут без малого полк турецкий уничтожить, я бы только посмеялся. А тут все доказательства налицо.

— Это какие? — не понял Шатун.

— А, ты ж не знаешь, — понимающе кивнул Рязанов. — Казаки твои, едва оправились малость, все фургоны и трофейных лошадей добром, что с турок сняли, загрузили. Коней почитай три десятка привели.

— Откуда кони-то? Турки ж пешком шли, — растерянно проворчал Руслан, пытаясь вспомнить детали.

* * *

— А я сказал, ты выйдешь за него! — крепкий кулак пожилого полковника с грохотом обрушился на столешницу, и она поняла, что перегнула палку.

Отец всегда потакал ей во всех ее начинаниях и проказах, защищая перед остальными родственниками, и прежде всего перед маменькой. Та, словно чуя свою вину, что не смогла одарить мужа наследником, и вообще сумев родить только один раз, с самого детства старалась держать дочь в ежовых рукавицах, но для отца она всегда была любимицей. Одной-единственной. И потому она с младых ногтей знала, что может из отца веревки вить. Достаточно было ласково улыбнуться и прижаться к нему, как все ее желания исполнялись словно по волшебству. Женился полковник Вяземский поздно и, потому, заполучив уже в серьезные годы на руки новорожденную дочку, враз превратился в сумасшедшего папашу. К ее услугам было всё. И собственная лошадь, и обучение всяческим, далеко не девичьим забавам, навроде стрельбы и фехтования саблей, и даже разрешение ездить в седле в мужском наряде. Последнее маменьку шокировало более всего. Подобный эпатаж женщина строгих правил всеми силами старалась пресечь, но из раза в раз натыкалась на упрямство дочери и решительное непонимание со стороны мужа. Не получив долгожданного сына, полковник обучал дочь тому, что должен был уметь лю-

бой уважающий себя офицер, дворянин и просто мужчина.

Так что Екатерина росла девочкой ловкой, сильной и отчаянно смелой. Ей даже однажды случилось драться на дуэли. Произошло это, когда на приеме у графа Лопухина одна из приглашенных особ осмелилась высмеять ее платье. Катерина не умела и не любила носить платья, но позволить кому-то смеяться над собой не могла. В итоге насмешница, схлопотав увесистую оплеуху, сгоряча пообещала устроить Катерине неприятности, на что девушка, ничтоже сумняшеся, предложила дуэль. Мода на женские поединки уже добралась из Европы и до российских палестин, но подобные схватки можно было пересчитать по пальцам. В общем, скандал был знатный. Убивать соперницу Катерина не собиралась, впрочем, как и та ее. Все закончилось несколькими порезами и срубленной у противницы косой. Такие удары ее научил наносить отец, и Катерина не посрамила его науку.

Но пришел срок, и к родителям сильной, стройной девушки стали присылать сватов. Полковник Вяземский был человеком обеспеченным и мог позволить себе выбирать. Благо приданое у его дочери было весьма солидным, да и семья его никогда не бедствовала. Вяземские всегда были хозяевами рачительными и к службе своей относились весьма серьезно. Так что выбор у Катерины был широкий. Но душа у девушки не лежала к сватавшимся молодым людям. В каждом из них она находила столько изъянов, что при их перечислении полковник хватался за голову и тут же прекращал все разговоры о свадьбе. Язычок у девицы был острый, а врожденное умение подмечать мелочи позволяло ей видеть то, чего другие просто не замечают.

Вначале все эти попытки сватовства забавляли ее, но уже после пятого раза она поняла, что эти пустые хлопоты начинают раздражать. Катерина была девушкой умной и понимала, что с мужчиной слабым жить просто не сможет. И уж тем более не сможет терпеть его самодурство и снобизм. Ей хотелось встретить человека сильного, умного, а главное, умеющего ее слышать и понимать. Как отец. И желательно, чтобы он имел отношение к военной службе. Так что очередного жениха, служившего по гражданской части, она без долгих разговоров зазвала на верховую прогулку и, заставив догонять себя, пустила своего любимого арабского жеребца в галоп. Жених вывалился из седла уже через несколько минут, пытаясь перепрыгнуть невысокий плетень следом за своей избранницей. В итоге его увезли из имения к доктору, а у Катерины состоялся не самый приятный разговор с папенькой. И вот теперь, стоя перед рабочим столом в его кабинете, девушка, упрямо насупившись, твердо отвечала:

— Можете сами на нем жениться, папенька, а мне этот слизняк и даром не нужен. Он же даже верхом ездить толком не умеет. Не говоря уже обо всем остальном. И как, скажите на милость, он станет честь мою защищать, ежели даже сабли в руках никогда не держал? Да бог бы с ней, с саблей. Он даже шпагой не владеет. И стрелять не умеет. Да поймите же, папенька, — надавила она, заметив, что отец, заметно остыв, все больше и больше мрачнеет, слушая ее, — я готова подчиниться вашей воле, но хочу, чтобы дети мои имели серьезного отца, а не размазню какую.

— И где я тебе такого возьму? — не удержавшись, мрачно хмыкнул полковник.

— Ну, вы же, папенька, откуда-то взялись, — тут же нашлась Катерина.

— Значит, предпочитаешь военных? — со странной интонацией уточнил отец.

— А вы разве, папенька, против? — насторожилась Катерина.

— Откровенно признаться, не знаю, как и сказать, — задумчиво протянул полковник. — Современные офицеры, они, так сказать, солдаты мирного времени. Из тех, что крови не лили и пороху не нюхали. Фанфароны, право слово.

— Да как же, папенька! Ведь война ж идет. А какая ж война без офицеров? — растерялась девушка.

— Так в том-то и штука, что толковые на фронте, а те, что здесь, и слова доброго не стоят, — развел полковник руками.

— Ну, не знаю. Намедни Лизанька Тарханова рассказывала, что сестрица ее, Наталья, царствие ей небесное, встретила на Кавказе офицера и влюбилась так, что аж и сказать страшно. Так он после ее смерти год траур держал. А ведь они даже помолвлены не были. Так, изредка виделись только. На приемах, да когда он по делам приезжал. Да и сама она с офицером помолвлена. Майор, граф Рязанов, Михаил Сергеевич. Слышали про такого? — невинно поинтересовалась девчонка, делая вид, что ответ ей вовсе не интересен.

— Рязанов? — задумчиво переспросил полковник. — Не слышал. А по какому ведомству он там служит?

— Начальник отдела контрразведки города. И Натальи покойницы любый там же служит. Товарищем его. Князь Ростовцев, Руслан Владимирович. Штабс-капитан.

— Ростовцев?! — изумленно переспросил полковник. — Неужто Владимира сын в военные подался? Ну да. Все сходится. Тот Руслан Владимирович, а этот Владимир Иванович.

— Так ты его знаешь? — оживилась Катерина.

— Избави тебя бог, дочка, от такого знакомства, — скривился Вяземский. — Володька Ростовцев, хоть и титул высокий имеет, а все одно мот, бабник и жуир, каких поискать. Все наследство свое промотал да в карты спустил. Всей столице почитай должен. А теперь и вовсе пропал. Говорят, он тоже на Кавказ подался, да там и сгинул. Слухи ходят, горцы его зарезали. А яблочко от яблоньки, сама знаешь, недалеко падает, — с намеком закончил полковник.

— Не в этот раз, папенька, — решительно мотнула Катерина роскошной, смоляной косой. Масть эта досталась ей от прапрабабки, имевшей корни ажно из половецких степей. Так что и высокие скулы, и смоляная коса, и брови вразлет, и ярко-синие глаза делали девушку настоящей экзотической красавицей.

— Уж простите, папенька, но князь Тарханов не тот человек, который дочку за кого попало отдаст, — с напором продолжила она. — Да и Лизанька про того Ростовцева весьма хорошо отзывалась. А ей это никоим образом не интересно. У нее свой жених имеется.

— А ведь права ты, Катюша, — подумав, удивленно кивнул полковник. — Странно, что я про ту историю не слышал.

— Так ведь он из контрразведки, — быстро напомнила Катерина, которой история эта сразу запала в душу. Было в ней что-то, что заставляло девичье сердечко трепетать и сладко ныть от мечты о чем-то подобном. Но только, чтобы все живы были.